

1 ИЮЛЬ 1976

СПЕКТАКЛЬ «Король Генрих IV» идет на сцене Ленинградского БДТ уже восемь лет, о нем много писали. Я хочу рассказать только об одной работе.

Среди других коронованных героев Шекспира Генрих IV был наименее известен. Он гораздо реже, чем Лир или Ричард III, посещал наши сценические подмостки. Однако же теперь, после того как я видел С. Юрского в этой роли, я не могу отделаться от странного сознания, будто я лично видел Генриха, знал его живым, и пишу не критическую статью об актере, а воспоминания и размышления о жизни реального человека. Это тем более странно, что Генрих редко высказывал свои мысли вслух, главного не говорил. Только по резким и бурным проявлениям его характера можно узнать, каково его самосознание.

Человек, названный Генрихом Четвертым, недомогает. Это старый седобородый король с устремленным вниз лицом — от широкого лба к узкой бороде, похожей на клинок меча. У него саднит спина. Неловко растирая ее закинутой назад рукой, он тяжело и неуклюже садится, чтобы сейчас же вскочить.

Старому человеку не сидится, — может быть, кости ломит. Он произносит единственную фразу: «Я был мягким, и вы перестали бояться». Уход после этого такой стремительный, чтобы не слышать ничьих возражений. Судя по этому взрыву, он не очень жесток: потребовался «допинг», чтобы стать страшным. Близкие не быстро встают перед ним на колени, не быстро соглашаются с ним. Все эти люди — его вчерашние друзья, они привели его к власти. Теперь-то он знает, что все они врут:

недаром племянник Хотспер не выдал ему пленных шотландцев. Поэтому такая резкость.

И вот — допрос Хотспера. Это совсем и не выглядит допросом. Генрих не хочет, чтобы это был допрос. Только когда все кончается, соображаешь:

отец. Сначала же старый Генрих внезапным сильным ударом сбивает прищипа с ног на пол. Это — отцовское. Этот удар не только от гнева, но и от любви к «беспутному» (т. е. король считает, что судьба несправедлива к нему, «наградив» на ста-

Правда, он почти убежден, что его дело проиграно. И все-таки надо испить чашу до дна.

И вдруг почти проигранная война превращается в выигранную. Прибыли парламентарии из враждебного стана. В случае прекращения мятежа король

Гастрольная афиша

нуж через плечо на убитого врага, проткнул его еще несколько раз, завершив тем самым старательное, до конца обеспеченное и проверенное убийство. Фатум фатумом, а свое дело надо доделывать до конца.

Со стороны может показаться, что Генрих — ве-

нуту такой любви, и внезапная слепота, когда руки старого человека зовут сына совсем не из того пространства, где тот сейчас стоит... Старый человек, король Генрих IV умер.

Будут ли его вспоминать? Да. Он был сильным, крупным человеком своего времени, и про таких — пока еще длится это «его время» — обычно говорят, что при них было лучше, чем после них, хотя вспоминают при этом и кровь.

Был ли он добр? Иногда. К кому-то.

Был ли жесток? Не специально, а в меру необходимости для того «дела», которому посвятил жизнь. А это «дело» — корона.

Дал ли он счастье страсти? Стремился дать могущество, иного счастья он не предполагал. До него, при нем и после него были войны.

Был ли счастлив он сам? Он прожил длинную, утрюмую, одинокую жизнь.

Нужно, чтобы повернулся весь механизм времени в целом, чтобы сама природа власти стала иной, только тогда и его жизнь могла бы сложиться иначе. Как и другие короли Шекспира, старый Генрих хотел решить проблему власти, но он хотел решить ее по-своему. Король Генрих IV хотел быть королем — человеком. История не дала ему такой возможности.

В спектакле, поставленном и оформленном Г. Товстоноговым, он виден в монтажном сопоставлении с распяленной шкурой, натянутой четьрьмя канатами и символизирующей что-то вроде географической карты Англии, где прорези в четьрьех углах напоминают наконечники пик, направленных друг на друга.

Ю. ВОЛЧЕК.

«ТОРЖЕСТВО КОРОНЫ... ~ ГИБЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА»

С. ЮРСКИЙ В РОЛИ ГЕНРИХА IV

это же был допрос! Долго его вытянутая рука указывает на Хотспера, стоящего сбоку. Словно король Генрих ставит этим жестом кого-то перед собой и призывает к ответу. И еще: как будто он хочет этой рукой дотронуться, оцупать, лично проверить, кто перед ним стоит, — друг или враг. Жажда познания. И еще — это властвующая рука: она может сама вонзить меч, но может и притянуть к себе, обнять, возвысить. Рука так долго простерта в воздухе, потому что она — вместо слов. Давно уже Генрих репил, что слова говорить бесполезно, все равно никто не хочет понять его и все лгут, а глаза в глаза лгать будет гораздо труднее. И он долго смотрит в глаза племяннику, потом отходит со странной улыбкой.

Подозревает ли он уже возможность мятежа? Во всяком случае еще не знает главного: вчерашние друзья объединились с врагами — шотландцами, чтобы низвергнуть его.

Такая же протянутая рука, такой же долгий взгляд в глаза предназначены и родному сыну. Но мысли при этом другие. Годен ли он на что-нибудь и не ждет ли тайно смерти отца? Впрочем, второй вопрос возникнет позднее, когда выяснится, что юный Генрих гораздо могущественней и значительней, чем думал о нем

рости лет честолюбиво мятежным племянником и беспутным, слабавольным сыном. Он считает сына именно слабавольным). В молодости король шел к власти извилистым путем, он — с преступлением на душе. Но царствовал он, как видно, с какой-то программой, а не только ради власти. Теперь благополучие своего «дома» и благополучие страны для него слились. Так хорошо было бы передать все законному наследнику. Тому уже не придется хитрить ради трона. А передать есть что, в этом старый Генрих уверен.

Но он так долго звал к себе сына, а тот явился поздно, когда страну уже охватил мятеж. Старый король назначает сына командующим. Не потому, что у него есть уверенность в доблестях наследника, а потому, что надо дать сказать свое слово судьбе. Пусть он будет проверен в деле. Король относится к мятежу, как факту, на который бесполезно сетовать или сыпать проклятия. Без потрясения, без страха, без ажиотажа. Как солдат, привыкший всю жизнь выступать в походы.

обещает им полное забвение вины. Хитрый Вустер искажает его слова, чтобы не допустить мира. Но в одно Вустер не хитрит: он уверен, что король не сдержит слова, и главари мятежа будут казнены по тайным спискам. Будут ли? Вполне возможно.

Если бы спросить самого короля, он отверг бы такое предположение, ибо хотел быть честен. Всю жизнь. Но он предлагает мир по политическим соображениям, и убил бы точно так же, не очень отягчая свою совесть сознанием вероломства, ибо поверил бы, что мятежники не могут перестать быть мятежниками.

...Поединок. На поле боя заботливо расставлены двойники короля, чтобы обмануть врагов. Но старый Генрих не станет прятаться, даже если враг молот, по-медвежьему силен и опасен. Он поднимает забрало: «Я король» — и принимает вызов. Да, ему не откажешь в храбрости, хотя этому старому телу уже трудно драться. Пожалуй, тут проявляется и фатализм Генриха: от судьбы не уйдешь. Зато, когда к нему пришла нежданная победа, он, взгля-

зучий король; и проигранную войну он выиграл, и в поединке с сильнейшим не погиб, а убил. Но само Генрих отлично знает, что ему не везет. Впрочем, «не везет» — не то слово, которое раскрывает глубокий смысл поединка между ним и жизнью. Он хочет быть королем — человеком и знает, что никто его не любит, никому он не нужен. Начинается последняя часть трагедии.

На минуту к нему подступил вплотную животный ужас смерти, и затем обессиленный король забился сном. Рука протянулась к короне, указывает на нее, но не держит. Какой бессильный и спокойный обманывающий сон! Не только сын обманулся, приняв это за смерть и забрав себе долгожданную корону, обманулись и мы. Затем — последнее пробуждение перед действительной смертью, вынужденная ложь сына, будто он чуть ли не проклинал корону, острое осознание старым Генрихом, что его никто не любит, желание, чтобы хоть кто-нибудь полюбил его, тоскливое желание, чтобы это был сын, готовность все отдать за ми-

248